

Михаил Успенский

Дорогой товарищ король

Была даже свинья-космонавт. Она в точности исполнила свое задание, а потом умерла от разрыва сердца, потому что во время осмотра с нее не сняли скафандра и посадили на стул, тогда как свинье положено стоять на четырех ногах.

Фланнери О'Коннор

Глава 1

Потом, когда будет написана и прочитана последняя книга, когда будет произнесено и услышано последнее слово, когда будет рождена и забыта последняя мысль, — вот тогда и разберемся, так ли все было на самом деле. Потому что времени станет в досталь. Вернее сказать — времени-то не будет, оно все как есть выйдет, зато уж последнее мгновение растянется так, что по сравнению с этим сроком и вечность покажется кратким перекуром.

...Сначала на севере, из-за Толкучих Гор, выгянет краешек светила, называемого Макуххой, подрожит и подергается несколько минут, а потом белый шар, словно получив из-за горизонта

хороший пинок, взлетит вверх, издавая звук лопающейся струны, и замрет как раз в зените, где висеть ему до ночи.

Люди в Листоране знают, что Макухху нарочно придумал из вредности злой бог Эдеот, чтобы допечь доброго мироустроителя Могуту. А тот стережет себе небесный купол, усевшись прямо на него в широких серых шароварах, и не скоро до него дойдет, что снизу-то припекает. И тогда разгневается Могуту, подскочит на месте, и Макухха, убоявшись наказания, быстро свалится назад, за Толкучие Горы. Правда, на следующее утро все начнется сызнова, но так уж заведено.

Многие, впрочем, полагают, что Эдеот как раз добрый бог, потому что без светила жизнь была бы совсем никудышная. А Могуту, если он такой хороший, мог бы и потерпеть на благо им же сотворенного народа. Но мало ли кто что полагает. В других странах, например в том же Аронаксе, вовсе не верят ни в Могуту, ни в Эдеота, а все их немалые заслуги приписывают своему демиургу, некоему Топониму, и его боевой супруге Кветанции. Из-за этого листоранцы немало потешаются над жителями Аронакса и складывают про их пантеон скабрзные песни, баллады и целые эпосы. Шельмуемые обижаются, но поделаться ничего не могут — на Листоран, славный кузнецами и оружейниками, не больно-то

кинешься.

Лето в Листоране, как и во всем Замирье, длится только семь недель, да его и летом не назовешь — все время одна погода. Но в эти семь недель Замирье проходит через радугу — Красная неделя, Оранжевая, Желтая и так далее, где сидит фазан. Люди в эти семь недель своего не упускают, хотя дни и летят быстро — бог Могуту не успеваает разноцветные шаровары менять. Семь недель никто ни с кем не воует, даже кирибеи-кочевники начинают друг с другом здороваться. В Красную неделю играют свадьбы и добывают икру птицы Шарах, в Оранжевую — устраивают ярмарки и катаются на печах, в Желтую — гоняют гавриков, на Зеленой земледелец волен дать своему барону традиционного пинка, но бароны ведь в броне, в Голубую — проходят потешные бои и рыцарские турниры, в Синюю — принято угощать особо отличившихся детей березовой кашей и подмлаживать стариков, а когда наступает последняя, Фиолетовая, терпимость властей доходит до того, что разрешают давать представления бродячим фокусникам из тех, которые занимаются запретными науками и показывают разнообразные чудеса, не пользуясь при этом ни заклинаниями, ни магическими предметами, — откуда что и берется.

А потом наступает на много-много недель

обычная черно-белая пора года, потому что зимы, весны и осени вовсе не бывает. Но и без этого всякий злак и овощ, дерево и травинка знают, когда цвести, а когда засохнуть, и птицы выют гнезда в подходящий срок, и скотина плодится в надлежащее время. Для того и летают повсюду крошечные пискливые ванессы в пестрых платяцах — они всякую тварь вовремя разбудят и спать уложат, и бутон раскроют, и жухлый лист проводят в последний путь. Ванесса побольше комара и поменьше воробья, но ни комара, ни воробья она в глаза не видела. Известно, впрочем, что в Море тоже водятся ванессы, только другие, простые бабочки, бессловесные и безмозглые — так, червяк с крылышками.

Вообще, ванессы производят впечатление существ легкомысленных и вертихвосток: хорошенькие, смешливые, острые на язык. С ними можно посылать различные вести, но недалеко, потому что по дороге они все норовят перевернуть и перепутать. Если купец из Листорана, к примеру, захочет известить через ванесс своего компаньона в Аронаксе насчет партии бархата, то к тому может прийти послание, что движется орда кирибеев, и получится паника.

Когда по дороге среди полей едет конный рыцарь, ванессы садятся к нему прямо на шлем и сквозь щели забрала начинают расхваливать —

какой красивый да какой мужественный, да были бы они, ванессы, росточком побольше... Впрочем, рыцари к этим славословиям привыкли и отвечают лишь учтивыми комплиментами, причем шепотом — от громкого звука ванесса может упасть в обморок и разбиться о придорожный камень. Но всякий знает, что, стоит убить ванессу, хоть и по нечаянности, сразу же выйдет из леса страшный зверь дихотом и перекусит обидчика ровно пополам, даже и в хваленой листоранской броне.

Ученые люди из университетского города Карбонара, что в Бородатии, с разрешения своего короля поймали однажды зверя дихотома в ловчую яму, усыпили и вскрыли в целях познания. Так вот, не было у этого зверя ни желудка, ни кишок — ничего даже такого. И пришли после кровопролитной драки ученые люди к выводу, что единственное предназначение страшного зверя дихотома — перекусывать ровно пополам всякого, кто убьет, хотя бы и по нечаянности, веселенькую ванессу. Потому что больше заступиться за ванесс некому. Их законные мужья, агриколы, такие же маленькие и даже летать не умеют — возятся неглубоко под землей, обихаживая корни растений.

Но и на дихотома, говорят, есть управа. В Мире, как известно, единороги покоряются лишь девственницам, а в Замирье дихотом подчинится только той женщине, что познала не менее пятисот

мужчин. Но не будет же рыцарь с собою в поход
этакое сокровище тащить! На срам-то людям!

...Трое всадников, ехавших по столичному
тракту, были хмуры, сосредоточенны и с ванессами
болтать не расположены. Четвертого коня вели в
поводу. Двое рыцарей были в полном вооружении:
меч, клюшка и набор страшных медных
бумерангов, могущих располовинить врага не хуже
дихотома. Третьим ехал крепкий еще старец, с
головой кутался в клетчатый плащ, торчала только
борода, причем половина ее была выкрашена в
зеленый цвет. Всякий листоранский мальчишка мог
бы не глядя определить, что это генеральный
канцлер Калидор направляется куда-то по
секретному государственному делу.

Старец протянул вперед руку, поманил одну
из ванесс и прошептал ей несколько слов. С
горестным писксом вся стайка снялась и полетела
вперед, унося печальное известие.

Так что в усадьбе вольного земледельца
Турала обо всем уже знали и ждали всадников во
дворе — сам хозяин, хозяйка и трое сыновей. Не
было сказано ни единого слова. Турал, здоровенный
седеющий мужик, обнял своих и неуклюже
вскарабкался на свободного коня. Конь аж крикнул.
И сама усадьба, и постройки, и чада с домочадцами
были под стать хозяину. Если бы Турала надумали

увозить в неволю кирибеи-кочевники, или странствующие работорговцы, или свои же разбойники, им бы туговато пришлось. Но сейчас трое сыновей глядели на королевских гвардейцев с бессильной яростью, как на град, побивающий урожай. Если бы в Замирье, конечно, знали, что такое град.

Воины с Туралом посередине выехали за ворота, а канцлер склонился к хозяйке и сказал:

— Правильно делаешь, что не плачешь. Ты знала, что рано или поздно это случится. И без того судьба отмерила вам изрядный срок — сыновья выросли, в доме достаток. Все эти годы на ваше подворье не ступила нога ни вражеского солдата, ни сборщика налогов. Клянусь, ваш дом охранялся не хуже, чем королевский дворец в Макуххе. Но ничего не поделаешь, таков закон: чтобы в Листоран пришел из Мира новый король, его брат-близнец должен умереть.

Глава 2

У нас в республиках, краях и областях первые лица вешаются до смешного редко. Им это ни к чему, потому что у каждого есть личное оружие в виде пистолета Макарова или какой-нибудь заморской штучки. Но они же ведь и стреляются тоже не каждый день, разве что очень уж

приспичит.

Так что не только партийная организация, но и несознательные жители города Краснодольска и Краснодольского края крепко удивились, что Виктор Панкратович Востромырдин добровольно и безосновательно ушел из жизни.

Удивились и в самой Москве, где на Востромырдина, конечно, кое-что было, но не до такой же степени!

Сено принято хвалить в стогу, а барина — в гробу. Виктора Панкратовича многие искренне жалели: не был он ни клиническим хамом, ни алкоголиком, ни развратником. От двух последних пороков его надежно оберегала супруга Анжела Титовна. Виктор Панкратович ее любил и во всем слушался, чтобы не потерять расположения тестя, директора секретного заводика. Этот тесть ворота в Кремле пинком распахивал.

О синюшном цвете лица удавленников и странгуляционных бороздах сказано немало добрых и правильных слов в учебниках криминалистики. Так что здесь касаться этой темы ни к чему. Само собой, в тот же вечер из центра прилетела особая следственная бригада и наскоро убедилась, что в данном случае о злом умысле нет и речи. Правда, кое-какие вещи в квартире все же пропали — например партбилет. Следователи даже дошли до того, что предположили в Викторе Панкратовиче

чувство глубокого разочарования, выразившееся в уничтожении сперва заветной книжечки, а потом и себя самого.

Потолки в квартире Востромырдиных были высокие, метра три с половиной — так-то что не вешаться! Первый секретарь привязал веревку за крюк, предварительно сняв с него полотно местного художника «Союз Вина и Воды», в аллегорической форме вскрывавшее злоупотребления на ликероводочном заводе и потому изъятое с выставки.

Обнаружила ужасный факт домработница. Анжела же Титовна в это время находилась на отдыхе в славном курортном городе Трихополе. Да он при ней и не осмелился бы руки на себя воздвигнуть.

Стали трясти милиционера, дежурившего в подъезде. Потому что был уже несколько лет назад случай, когда квартиру Востромырдиных нахально ограбили двое негодяев в милицейской форме с немалыми звездами на погонах. Тогдашний дежурный сержантик перепугался, что документов спросить не посмел, и вор-гастролер по кличке Арзамасский Ужас унес все золото и бриллианты Анжелы Титовны. Слез было много, но уже через неделю она утешилась, накупив новых вдвое прежнего.

Да, в тот раз слез-то было больше. А нового

мужа все равно не выплачешь. «Как мужественно держится Анжела-то Титовна!» — восхищались гости на похоронах. Среди приехавших проститься с Виктором Панкратовичем были и несколько его однокашников по детскому дому, в том числе и один известный вор в законе, который с высокопоставленными лицами держался запросто, а некоторых даже похлопывал по плечу.

Детдомовцем был Виктор Панкратович. В далеком сорок втором прибыл в Краснодольск эшелон с ленинградскими детишками, и среди живых и мертвых скелетиков врачи с удивлением обнаружили на редкость упитанного бутуза, не значившегося ни в каких документах, словно его только-только, на последнем перегоне, подбросили. Живучий, везучий был Витя Востромырдин и всего в жизни добился сам. Если тестя не считать.

Анжела Титовна была красавица, за исключением некоторых параметров: одна нога у нее была тридцать третьего, а вторая — сорок первого размера, так что обуви ей требовалось вдвое больше, чем самой капризной западной кинозвезде. А несчастный заведующий краснодольским спецскладом не знал, как оприходовать оставшиеся от жены начальства непарные итальянские сапоги, потому что в Краснодольске для этого катастрофически не хватало богатых одноногих женщин. А бедных

навалом.

Наш народ еще тошнее любого ЦРУ: все знает. От него не существует никаких государственных, военных и партийных тайн. Если на каждом углу не обсуждают тактико-технических данных последней ракеты, то единственно потому, что скучно и мало кому интересно. Зато про наших руководителей знают такое, чего они сами про себя отродясь не ведали. А узнав, тут же проникаются чувством острой социальной справедливости. Но руководители тоже хороши: с детского сада приучают нас ненавидеть богатых и знатных, а потом сами же обижаются и отправляют в тюрьму.

На поминках второй секретарь Игорь Петрович Авнюков был грустен вовсе не из-за Виктора Панкратовича, а потому, что ему, Авнюкову, ничего не светило: кончина Востромырдина не открывала перед ним, как обыкновенно водится в таких кругах, никаких перспектив. Два года назад Авнюков крепко проштрафился, проявив личную нескромность: зарезал по причине беспричинной ревности свою любимую секретаршу Лидочку Сученок. Правда, следователям, до конца остававшимся преданными партии, все же удалось доказать, что Лидочка пала жертвой собственной халатности, нанеся себе во время очинки карандаша «Кохинор» тридцать восемь ножевых ранений. Но ходу наверх Игорю

Петровичу решили все же не давать — сегодня Лидочка, а завтра, глядишь, и на высшие инстанции с ножиком полезет.

Главы трех соседних областей, товарищи Хренов, Членов и Лопато, также не слишком печалились. «И чего ради не пожилось дураку?» — думали все трое одновременно и одновременно же трусили, что Востромырдин повесился не просто так, а по секретному указанию свыше и что, возможно, нынче всем выйдет такая линия. Супруги же вышеназванных товарищей между собой положили, что во всем виновата Анжелка — известная оторви да брось. Конечно, чья бы корова мычала... но где-то они были правы. У Анжелы Титовны и Виктора Панкратовича было редкостное несовпадение характеров, и по этой причине мадам Востромырдину постоянно окружали симпатичные молодые люди. Самыми же симпатичными среди них являлись капитан спецвойск Степан Деряба и полковник госбезопасности Альберт Шмурло.

Степан Деряба не раз в жизни за ратные подвиги возвышался до подполковника, но всякий раз низвергался обратно в нижние чины по причине строптивости характера, а однажды даже был расстрелян. Выполняя долг воина-интернационалиста в далекой Анголе, он как-то вечером нечаянно, на спор, большим пальцем левой ноги убил кубинского

контрразведчика. Он бы и четверых уложил, да больше не нашлось желающих поспорить. Всего из-за одного-то посланцы Острова Свободы подняли такой шум, что командование сочло за благо расстрелять Дерябу на глазах у всех, но стреляли спецпатронами, и Степану ничего не поделалось, только увозился весь в красной краске. «Боевая машина смерти», — ласково отзывались о Степане оставшиеся в живых друзья. Но по виду этого никто бы не сказал, потому что на вид и по фигуре Деряба был как подросток из Бухенвальда. Из-за внешности в нем неоднократно обманывались: мужчины — жестоко, вплоть до непредсказуемых последствий, а женщины — приятно, вплоть до последствий, вполне предсказуемых.

Карьера же Альберта Шмурло, напротив, шла стремительно, так как началась еще в восьмом «б» классе, где он обнаружил на последней парте тайную подпольную фашистскую организацию, состоявшую всего из двух одноклассников, потому что больше за парту не посадишь. Один из них притащил на уроки роскошное издание «Майн Кампф», доставшееся неосторожному отцу-победителю в качестве трофея в одном из кабинетов лейпцигского гестапо. Альберт Шмурло утверждал, что эти гитлерюгенды с особым цинизмом изучали труды бесноватого фюрера

именно на уроке обществоведения, чтобы противопоставить чело­веконена­вистни­ческие тексты единственно верному учению. «Майн Кампф», правда, была напечатана готическим шрифтом, который не всякий немец прочтет, даже и штандартенфюрер. Тем не менее оба неофашиста получили по пятерочке, только не от учителя, а от народного судьи с такими же заседателями. В результате одного так там, на зоне, и схоронили, а другой в настоящее время преподает математику в Сорбонне. Хрен бы он эту Сорбонну увидел, если бы не бдительность Альберта.

Другим замечательным подвигом товарища Шмурло на страже безопасности державы была работа с письмами, которые приходили доморощенным правозащитникам из-за бугра. Именно лейтенант Альберт Шмурло придумал, перлюстрируя такие письма, сажать в конверты клопов и тараканов. Это должно было оказать на адресата самое угнетающее действие. Лубянское начальство восхитилось, вызвало наверх, повысило в чине и поцеловало, не снимая очков.

И работать бы Альберту в столице, когда бы не досадный случай. Шмурло был необыкновенно хорош собой, даже несмотря на приятную полноту. Из-за красоты его отправляли в общественные туалеты соблазнять иностранных дипломатов с целью дальнейшего шантажа, причем фотокамера

была вмонтирована вы и не догадаетесь где. Несколько раз все обошлось хорошо, пока Шмурло не напоролся на одного, казалось, вполне перспективного военного атташе из негритянской страны. Но это оказался не военный атташе, а водитель троллейбуса «Б» Александр Матангович Кукушкин, жертва Фестиваля молодежи и студентов в Москве 1957 года. Он был черный, как головешка, и одет во все иностранное: папа Матанга иногда подкидывал кое-что бывшей русской красавице и своему отпрыску. Кукушкин зверски избил Шмурло (несмотря на физподготовку), сдал в милицию и обозвал последними словами. Кукушкина кисло похвалили, а Шмурло пришлось перевести на периферию, потому что проклятый водила орал на всю Красную площадь и собрал большое скопление народа, в том числе настоящих иностранцев с кинокамерами.

Анжела Титовна любила Степана Дерябу за неутомимость, а полковника Шмурло — за изобретательность, но так и не смогла окончательно разобраться в своих чувствах, отчего и расточала свои ласки обоим служивым одновременно. При этом Деряба неудержимо краснел, а Шмурло становился еще циничнее, именуя отсутствующего мужа Востриком и Мырдиком. Капитан был холост, полковник же раз и навсегда заявил своей жене после робкого замечания: «Если Родина прикажет

— вот тут, при тебе же буду. Знала же, что выходишь за бойца невидимого фронта. Про супругу товарища Рихарда Зорге читала? То-то же!»

Со смертью мужа Анжела Титовна потеряла в глазах напарников всякую привлекательность. «На кой ты нам теперь, лахудра?» — думали оба, а холостому Дерябе было вдвойне худо. Ведь не отстанет теперь, связи покойного папы-директора подключит, и конец. Но и в джунглях Анголы, и в знойных ущельях Кандагара опасность только обостряла тактический гений капитана.

— Слышь, полкан, — обратился он после похорон к Альберту Шмурло. — А в гробу-то вовсе не Мырдик лежит!

— А кто? — резонно удивился полковник.

— Дед Пихто! — уверенно отвечал капитан. — Ты на лапы его глядел? У этого жмура такие лапы, словно он всю жизнь в колхозе «Сорок лет без урожая» механизатором пропахал!

Глава 3

Виктор Панкратович Востромырдин разлепил глаза и сказал:

— Така барата сентукай?

— Люди Макухха гортоп бан Листоран убока! — ответили ему.

«Как они смеют разговаривать со мной в таком тоне?! — закипел возмущенный разум Виктора Панкратовича, но быстро охолонул: — Да что же я сам такие безответственные слова произношу? Ведь этак и на пленуме ляпнешь „сентукай“ какой-нибудь — тогда пиши пропало...»

И тут мало-помалу до него дошел смысл как вопроса, так и ответа: — Куда я попал?

— Король Листорана в своей столице Макуххе!

Востромырдин приподнялся на локте и обозрел помещение. По сравнению с этим помещением Георгиевский зал в Кремле выглядел бы не лучше сельского клуба. Далеко вверх уходили стены из темно-зеленого гранита, пронизанного золотыми и серебряными прожилками. Вверху под куполом тихо мерцал опалесцирующий шар-светильник. Колонны из черного мрамора были испещрены загадочными знаками и рисунками, причем рисунки несли самое сомнительное содержание. Тут и там по стенам и колоннам вспыхивали драгоценные камни в особо крупных размерах.

Одна из стен была вся завешана разнообразным холодным оружием. Здесь были и мечи всех видов и размеров, и страшные кривые кинжалы, и разукрашенные щиты, и даже нечто

вроде хоккейных клюшек с медными лезвиями вместо загребающей части. В стене напротив помещался огромный аквариум с круглым стеклом, за которым в фиолетовой жидкости, искусно подсвеченной снизу, плавала большая рыба вроде щуки, но пестрая и почему-то с ножом в зубах. Точно такая же рыба, только намного побольше и каменная, стояла на хвосте в глубине зала, как бы охраняя от посторонних посягательств находящийся у ее подножия трон из черного дерева, весьма неудобный на вид.

Сам Виктор Панкратович возлежал среди соболей и чернобурок на высоком ложе. Его нагое тело было заботливо укрыто холодной и колючей парчой. Над изголовьем склонился ласковый-ласковый старец. Половина бороды у него была выкрашена в зеленый цвет, и Востромырдин почему-то вспомнил слух о том, что всеми панками Москвы руководит какая-то старуха девяноста с лишним лет.

— Твое Величество, народ Листорана рад приветствовать своего законного владыку! — произнес не по-русски старец, но Востромырдин опять, к своему ужасу, все понял.

— Да вы знаете, с кем имеете дело! — возмутился Виктор Панкратович, словно королевского звания ему было мало. — Да я вас тут всех... — Его язык и губы складывались сами

собой совершенно невероятным образом, издавая звуки, абсолютно чуждые русскому слуху.

Старец продолжал улыбаться.

— Не изволь гневаться, король, — сказал он. — Ты растерян, это ясно, но все будет хорошо. Ты вернулся домой.

Виктор Панкратович решил резко поставить старца на место и хотел потребовать называть его, как положено, на «вы», но язык не повернулся, видно, не было такой вежливой формы обращения у здешних жителей. В гневе Востромырдин произнес исконную простонародную формулировку из трех частей, и, о чудо, они прозвучали без всякого искажения. Тотчас светильник под куполом померк, пламя факелов заметалось, а со стены с лязгом сорвалось несколько мечей и щитов. Старец в испуге замахал руками:

— Не употребляй этих слов всеу! Будь осторожен, о повелитель! Это Митирогнозия Магика — искусство, неизвестное даже нашим древним мудрецам. Пощади свой народ, пощади нашу землю, ведь это и твоя земля!

«И правда, — подумал Востромырдин. — Смотри-ка ты, матюгнешься не по делу, и весь комплекс обрушится может. Да что же это за старец такой — тыкает, как будто из секретариата ЦК! А, понял! Меня тайно перебросили в слаборазвитую страну, которая решила пойти по

некапиталистическому пути развития. Это, наверное, Бразилия».

Почему Бразилия, он и сам не знал, но крепко уважал футболиста Пеле.

— Это у вас что — Бразилия? — спросил он на всякий случай.

— Что ты, государь! Верзилия далеко, за Страстным Морем, тамошний народ ходит на одной ноге и добывает птичий жемчуг. Их и за людей-то не считают. Нет, господин мой, ты по праву владеешь благородной землей Листорана, которая искони не знала власти чужеземных владык, никому не платила ни даней, ни податей, а напротив, сама стяжала в боях и походах несметные сокровища. Пределы наши обширны: от Дикого Океана до самых Толкучих Гор, а на юге нас от степей отделяют Рыхлые Воды. И вот уже тридцать лет злонравные кирибей-кочевники не смеют тревожить наши рубежи. Да и западных соседей, тот же Аронакс, мы утихомирили.

— Я так понимаю, Листоран — государство третьего мира? — решил разведать геополитическую обстановку Востромырдин.

— Разве есть еще Миры кроме того, откуда мы тебя вернули? Нет, есть Мир и есть Замирье, а из всех земель Замирья важнейшей является покорный твоему слову Листоран.

«Ох и дикий народ! — подумал Виктор

Панкратович. — До чего их колониальная экспансия США довела! Но наши тоже хороши: не предупредив, безо всяких... Хотя, может быть, так и задумано. Международному отделу виднее».

— Немедленно свяжи меня с советским посольством, — потребовал Востромырдин.

— Советским? Ты хотел сказать «Савейским», господин? Так Савею уже давным-давно захватили баратины, и она стонет под их ярмом. Но что нам до Савеи? Между нами и договора-то доброго не было, да и сама Савея — за день объедешь, у иного барона земли больше...

«Да, неплохо западная пропаганда тут поработала, — размышлял Востромырдин. — Надо же, мировую державу какие-то Буратины позорные захватили!»

— А России тоже, может, скажешь, нету? — ехидно поинтересовался он.

— Россия-то есть, господин, только я уже тебе говорил: Россия в Мире, а Листоран в Замирье...

— Хватит морочить голову! — вскричал Востромырдин. — Кто ты такой?

— Генеральный канцлер Листорана Калидор, восьмой этого имени в роду Калидоров Экзантыйских, к твоим услугам, повелитель! Наш род служит листоранским королям на протяжении уже трехсот лет! — приосанился старец.

«Генеральный!» — только и понял бедный

Востромырдин.

— Товарищ генеральный, — пролепетал он. — Я не знал... Меня не информировали... Ввели в заблуждение... Я прошу прощения за необдуманные слова...

— Какой я тебе товарищ? — удивился старец, и Виктор Панкратович похолодел. — Я твой верный подданный, а никакой не товарищ. У королей не бывает товарищей.

И в доказательство своих слов опустил на колени, целуя руку первого секретаря Краснодольского крайкома. Но Востромырдин в страхе вырвал руку и стал хлопать себя по груди, ища партбилет. Грудь была совершенно голая.

— А, государь, ты хватился своего талисмана! — сообразил старец. — Он в целостности и сохранности. Сейчас тебе принесут одежду, а талисман защит в камзол из баратинского бархата. О, мы знаем обычаи Мира!

И действительно, по невидимому знаку пригожие и скуподетые девицы принесли целый ворох самых разнообразных незнакомых одеяний.

— Вставай, государь, они облекут тебя в королевский наряд! — подбадривал старец.

Виктор Панкратович сперва застеснялся наготы, но потом припомнил-таки одну закрытую баньку у тюменского коллеги (был, был грех! Кто без греха живет!) и осмелился. Девицы быстро и

ловко натянули на могучие ляжки короля-коммуниста подштанники из нежнейшего розового полотна, надели такую же рубашу с открытым воротом, обещанный камзол отличного черного бархата (партбилет и вправду был зашит, как положено, слева), широкие шелковые шаровары, расшитые разноцветным бисером, намотали на ноги шелковые портянки и обули своего повелителя в высокие кожаные сапоги со шпорами. Сама Анжела Титовна удавилась бы из-за таких сапог, и не она одна. Потом девицы усадили Виктора Панкратовича на мягкий пуф и стали приводить в порядок его прическу. Внезапно одна из красавиц пронзительно взвизгнула, словно обожглась.

Прибежавший на визг канцлер поглядел на королевскую макушку и понял, в чем дело. Дело в том, что Виктор Панкратович начал лысеть резко и внезапно и поэтому, не привыкши к лысине, стеснялся ее. Приставленный к нему парикмахер посоветовал отращивать оставшиеся в живых волосы подлиннее и с их помощью скрывать лысину, закрепляя большой заколкой. Заколки Виктор Панкратович тоже стеснялся и, впервые выступая в таком виде по телевидению, строго предупредил руководство краевой студии, чтобы операторы эту заколку ни в каком разе во внимание своих объективов не брали. Но это же все

равно что не думать про белого медведя. Проклятая заколка то и дело блестела в самых неподходящих местах доклада. Операторы же знали, что их не выгонят (других-то нет!), и хамски отговаривались: если, мол, кому не нравится, пусть выбирают нового секретаря, без заколки. Вот каким распущенным народом приходилось руководить!

— В Замирье не знают железа, — пояснил генеральный канцлер. — В Замирье не любят железа. Любого, кто принесет из Мира железный предмет, ждет казнь. Разумеется, на листоранских королей сей закон не распространяется, но все же, государь, выкинь ЭТО из головы!

Востромырдин, даром что король, подчинился. Канцлер шарахнулся от протянутой заколки, как молодой:

— Государь, брось ЭТО на пол!

Востромырдин снова послушался. Канцлер Калидор Экзантыйский хлопнул в ладоши, и в зал вошли четверо громил с носилками. «Вот это исполнительская дисциплина!» — восхитился Виктор Панкратович. Один из громил бронзовыми щипцами осторожно поднял нестерпимую заколку и положил на носилки, после чего четверо силачей еле-еле подняли их и, крихтя да ругаясь, потащили прочь. Правда, от местных выражений никаких разрушений не наблюдалось.

— Так вот почему нашу повозку еле сдвинули

с места восемь лошадей! — объяснил канцлер, как видно, сам себе, потому что Виктор Панкратович не понял, о чем речь. — Впрочем, об этом никто не узнает, — продолжал канцлер. — В Листоране умеют хранить государственные тайны. Стражникам урежут языки и отправят на галеры, а служанку придется продать в гарем какого-нибудь степного князя. Согласись, государь, убивать их — непозволительное расточительство. Нынче каждый человек дорог: на невольничьем рынке в Карбонаре за мужчину дают семьдесят мигриков, а за красивую девушку — целых девяносто два!

— Не ценим мы людей, — вздохнул Востромырдин да вдруг опомнился: — Эй, у вас что — рабовладельческий строй? Так дело не пойдет! У нас этого не положено! Если надо пресечь утечку информации — пресекайте, но все должно быть в рамках!

— Значит, триста семьдесят два мигрика дихотому под хвост? — с тоской сказал канцлер. — И вовсе мы не рабовладельцы, о король, зря обижаешь. Нет уж, мы ученые, знаем, что от раба толку мало. Рабство нынче только у диких народов да еще степняков, вот мы им, дуракам, и продаем, кого не надо, а сами не держим — ни-ни!

— Ладно, действуй по обстоятельствам, — сказал Виктор Панкратович, а сам подумал: «Верно, нечего грубо вмешиваться в местные обычаи, не

разобравшись... Да они что, всерьез меня собираются королем назначить? Без постановления?»

Мысль его лихорадочно заметалась по голове в поисках подходящих слов. Надо же и вести себя, и говорить по-королевски, если хочешь вовлечь эту отсталую страну в социалистический лагерь! Тщетно пытался он возродить в немалой памяти своей страницы соответствующих исторических романов, но вспоминалось только школьное: «Хорошо тебе, детинушка, что ответ держал ты по совести... Я велю палача одеть-нарядить... Я велю топор наточить-наострить...» Да еще фраза из популярного фильма про разведчиков: «Вы болван, Штюбинг!»

— Хорошо тебе, детинушка, — неожиданно сказал он вслух.

Канцлер вздрогнул, словно бы зная, что там дальше произошло с купцом Калашниковым.

— Тебе-то хорошо, — продолжал меж тем первый секретарь. — Ты у себя дома. А у меня, между прочим, кроме партийной организации, еще и семья есть. Жена, сын в Москве учится в международных отношениях...

— Государь, разве тебе не ведомо, что листоранские короли не обзаводятся семьями? Престол Под Рыбой С Ножом В Зубах не передается по наследству. Впрочем, если желаешь,

мы можем, конечно, доставить их сюда, но твои предшественники обычно отказывались...

«Отдохнуть хоть без Анжелки и лоботряса, — подумал Виктор Панкратович. — А потом видно будет».

— Потом видно будет! — объявил он.

Калидор облегченно вздохнул: вероятно, подобное решение было ему не в новость.

— А вот как я объясню свое отсутствие на работе? — хитро прищурился Виктор Панкратович. Сейчас окаянный канцлер наконец расколется и скажет прямо, по-русски: «Потерпи, Витя, это задание партии».

Но канцлер сказал совсем другое:

— А зачем покойнику на работе присутствовать? Для Мира ты мертв, государь. Обратной дороги нет.

Востромырдин охнул и повалился на пол, где еще недавно лежала знаменитая на весь Краснодарский край заколка.

...Шло обычное заседание секретариата, куда Виктор Панкратович был вызван, скорее, для проформы. Он с удовольствием послушал, как вставляли фитиля тюменскому коллеге (между прочим, и за баньку тоже), повозмущался деятельностью идеологических диверсантов и положил себе наперед таковых в крае непременно

обнаружить, порадовался солидному урожаю хлопковых у Рашидова. Он любил эти вызовы на Старую площадь, любил и одновременно боялся, а может, потому и любил, что боялся. Но чего уж он никак не ожидал, так это того, что в воздухе раздастся его собственная фамилия.

— Да-да, я к тебе обращаюсь, Виктор Панкратович!

И говорил-то не кто попало, а член Политбюро с 1918 года Мустафа Тарасович Раньше, проводивший это заседание. Востромырдин облился холодным потом, и ладно, что не чем похуже. А Мустафа Тарасович, несмотря на то, что еще Ленина видел, ловко покинул председательское место и направился через потрясенный зал прямо к нему:

— Затеял, понимаешь, строить у себя Музей восковых персон! Мастеров, понимаешь, у мадам Тюссо переманивает! Валюту тратит! Вот тебе валюта, сукин сын! Вот тебе фонды!

И вместо фондов и валюты сунул под нос Виктору Панкратовичу сухой старческий кукиш. Кукиш был весь в коричневых пятнышках и татуировках. И пахло от кукиша чем-то острым и резким...

— Слава Могуту, королевское величество очнулось! — сказал Мустафа Тарасович и убрал

из-под носа Востромырдина вонючую тряпочку. Виктор Панкратович застонал. Это был стон облегчения, потому что заседание секретариата оказалось бредовым видением, но это был и стон страдальческий, поскольку пребывание в загадочном Замирье продолжалось. — Король просто-напросто голоден! — говорил канцлер Тарасович (да почему же Тарасович?). — Подкрепись, государь, а там уж и опять на отдых...

Виктор Панкратович открыл глаза. Перед глазами был стол под голубой скатертью, уходящий в бесконечность. Очумевший Востромырдин схватил первый попавшийся графин и начал пить прямо из горлышка.

— Сразу видно — царственные манеры! — похвалил канцлер.

Жидкость в графине слегка напоминала коньяк «Армения», но была намного лучше и крепче. Виктор Панкратович произвел еще один глубокий глоток и сделал столь же глубокий выдох облегчения, потому что под столом ему никто не наступал на ногу и не шипел в ухо слово «пьяница».

— Король пьет, король пьет! — закричало несколько голосов, и Виктор Панкратович, вторично присосавшийся к графину, едва не поперхнулся. Он не знал, что так принято кричать при всех дворах, и усмотрел в этой традиционной

здравице осуждение: дескать, король, а пьет!

Он вернул графин на место и обвел глазами застолье. Тут и там на резных креслах сидели незнакомые люди — человек двадцать. Физиономии у всех были самые разбойничьи: грозно торчали крашенные зеленкой усы, сверкали великолепные крупные зубы, радостно блестели фиолетовые глаза. «Это мои придворные», — догадался Востромырдин.

— Хорошая примета, государь! — ликовал сидящий по правую руку канцлер Калидор. — Это означает, что царствование твое пройдет в пирах и праздниках! Слава Гортопу Тридцать Девятому — новому королю благословенного Листорана!

— Слава! Слава! Слава! — вскричали придворные, чокаясь крупнокалиберными кубками. Востромырдин закрыл глаза и откинулся на спинку трона.

— Закуси, государь! — Старец голой рукой протянул ему кусок жареного мяса весьма странного вида. В животе Виктора Панкратовича громко заговорило, но голод не тетка.

«Черти нерусские! — ругался про себя Востромырдин. — Кого это они зажарили? Очень вкусно. Впрочем, в Корее на приеме у Ким Ир Сена собачину есть заставляли...»

— А это блюдо вкушают только листоранские короли — икра птицы Шарах!

Востромырдин хотел было возразить, что птицы несут яйца, но махнул рукой. Икринки были крупные, словно картечь, и на блюде им не лежалось, подпрыгивали. Для храбрости Виктор Панкратович опять потянулся к заветному графинчику, но из горла позориться на этот раз не стал, налил, как все хорошие люди, в кубок.

— Гортоп клюк! Гортоп клюк! Король пьет! — снова заорали придворные.

— Ваше здоровье, дорогие товарищи! — провозгласил Востромырдин. Канцлер открыл было рот объяснить, что придворный королю не товарищ, но такое обращение сотрапезникам явно понравилось, они загалдели еще сильнее. А вот икра птицы Шарах была так себе, и Виктор Панкратович проглотил несколько икринок единственно из вежливости. — Ваша правда, товарищи, я действительно несколько времени руководил гортопом, и у меня был порядок, — сказал король Виктор Панкратович. — Потом ВПШ, работа в аппарате...

Застолье притихло.

— Государь, — осмелился наконец канцлер. — Не говори ты заклинаний: неровен час, обратишь нас всех в круглей или османдеев...

— Верно, твое Величество, о делах еще наговоримся, — сказал Востромырдину сосед слева. Сложением он не уступал Виктору

Панкратовичу, усы у него были самые большие и самые зеленые. — Я твой начальник стражи, великий герцог Тубарет Асрамический. Ни один волос не упал с головы листоранских королей под надежной охраной рода Тубаретов...

Виктор Панкратович машинально потрогал лысину. Лысины никакой не было — под рукой ощущался жесткий ежик волос.

— Зеркало! — приказал Виктор Панкратович.

Тотчас же служанки принесли нечто умопомрачительно голубое в яшмовой раме. Но все равно это было зеркало, и в нем отражался товарищ Востромырдин в малиновой, шитой золотом мантии, а на месте бывшего пустыря красовался зеленый гребень подобных пружинкам волос.

— Что это значит? — Самодержец листоранский устремил грозный взгляд на канцлера Калидора.

— А это значит, мирской волос вылезает, а наш, замирский, растет! Кровь, она себя всегда окажет, особенно когда листоранская! — гордо ответил канцлер. — Пока ты спал, мы тебе вымыли голову желчью двоеженца... — Голос его опустил — так страшен был взгляд владыки.

Хорошо тому живется,
Кто волосьями курчав:
Жизнь его всегда несется

Среди игрищ и забав!

То была знаменитая листоранская ксива — нечто вроде частушки. Первая строка в ксиве всегда сохраняла неизменность: «Хорошо тому живется...», а остальные три объясняли, кому хорошо живется и по какой причине. Худо-бедно сложить ксиву мог практически любой листоранец, а некоторые достигали в этой области подлинного мастерства. К сожалению, герцог Тубарет этим не отличался.

— А давай-ка, государь, выпьем, чтобы волосики лучше росли, — добавил герцог в прозе и проворно набуровил Востромырдину полный кубок давешнего коньяка. Первый секретарь машинально принял кубок и машинально же опорожнил. С последним глотком он забыл и о лысине, и о несолидном панковом гребне. Ему померещилось, что все это происходит на банкете после совещания первых секретарей Сибири и Дальнего Востока на берегу славного моря, священного Байкала. Слева от него сидит товарищ Хренов, справа — товарищ Членов, а товарищ Лопато посреди зала в голом виде изображает танец живота и других органов, и такая великолепная фигура у товарища Лопато, такая грудь, и совершенно никакой Анжелы Титовны рядом!

— Когда ты, Арефьич, бюст успел

отрастить? — спрашивал король придворную танцовщицу, а она, не будучи товарищем Лопато, не знала, что и ответить.

Отменными были и мясо болотного варана, и яйца голубой косули, и салат из летучих грибов. То и дело радовались придворные тому, что король пьет, и пилось легко, а потом и запелось неплохо: пели и про Катюшу, и про Марусю — раз-два-три-калина, и про поход на кирибеев, и про амурные похождения Гортопа Седьмого, и про Стеньку с княжной, и про главное, ребята, сердцем не стареть, и про баратинского князя Екандрабабая, а после самой хорошей в Мире песни о том, как враги сожгли родную хату, многие пригорюнились: видно, и в Замирье беды хватало...

Но завершить застолье придворная камарилья решила все же на оптимистической ноте, и от этого Востромырдин даже слегка протрезвел — то была песня «В хоккее играют настоящие мужчины», правда, переиначенная на какой-то милитаристский лад.

Глава 4

В Мире между тем происходили всяческие события.

Во-первых, из Москвы примчалась новая комиссия: нынешний Генеральный самолично

прочитал рапорт Шмурло, потому что вспомнил эту фамилию в связи с диссидентскими тараканами и воспринял сигнал со всей присущей ему серьезностью. Во-вторых, заседание Политбюро насчет кандидатуры первого секретаря Краснодарского крайкома продолжалось непрерывно трое суток! Особенную твердость при этом выказал Мустафа Тарасович Раньше, все остальные время от времени падали в обморок и попадали в реанимацию по старости. В конце концов постановили решить вопрос путем перестрелки личных охранников, и еще с полдня в коридорах ЦК гремели выстрелы, а мелкая сошка с ужасом отсиживалась в кабинетах и туалетах, но и там, случалось, настигала ее нечаянная пуля, так что все ковры и дорожки пришлось сменить и отправить в общежитие для вождей развивающихся стран. Но вот последний из оставшихся в живых телохранитель (а принадлежал он как раз Мустафе Тарасовичу) на карачках вошел в зал заседаний и скончался у ног своего повелителя, так что товарищ Раньше победил в честной борьбе и утвердил своего ставленника.

А комиссия в Краснодаре выкопала мнимого Виктора Панкратовича прямо из могилы, и врачи подтвердили, что у настоящего Востромырдина должен быть шрам от аппендицита и след татуировки «Витя + Наташа». Был проведен

и следственный эксперимент, в ходе которого два крепких чекиста восемь раз вытаскивали полковника Шмурло (он был как раз востромырдинской комплекции) из окна квартиры Виктора Панкратовича и уронили его всего один раз из восьми.

Немедленно в народе родился слух, что Востромырдина подвергли принудительному оживлению путем японского иглоукалывания, чтобы строго спросить, куда подевалось полторы тонны платины в дисках, а Виктор Панкратович несколько раз успешно убегал от своих мучителей и теперь скрывается на далекой таежной заимке под личиной знатного охотника Морковкина. Самое удивительное, что слухам этим отчасти поверила даже комиссия, и был отправлен военный вертолет, чтобы ракетным залпом уничтожить подозрительную заимку, но назад машина не вернулась. Экипаж вертолета был заочно награжден званиями Героев, а живой и невредимый охотник Морковкин — орденом Дружбы народов за меткую стрельбу влет.

Полковнику Шмурло, к его вящему ужасу, приказали денно и ночью следить за Анжелой Титовной, которая так умело прикидывалась вдовой, что чуть было не ввела органы в преступное заблуждение. Шмурло почувствовал, что один не потянет, и выпросил себе на подмогу

капитана Дерябу. Предполагалось, что Виктор Панкратович инсценировал самоубийство, чтобы убежать за границу, а то и прямо в Израиль, ведь национальность у детдомовских определяли на глазок. Анжела же Титовна в силу своих широких материальных запросов, несомненно, подначивала мужа, и теперь он должен выйти с ней на связь.

Но самой Анжеле Титовне до срока ни о чем не говорили, чтобы не спугнуть. «Неудобно ведь, мальчики, что вы сутками у меня торчите!» — говорила мадам Востромырдина побратимам. Побратимы же потребовали у начальства дополнительных денежных средств или два ящика коньяка натурой с целью замаскировать слезку под обычную оргию.

Оргия в самом своем разгаре была неожиданно прервана несчастным случаем в системе водоснабжения и канализации крайкомовского дома: прямо в квартире Востромырдиных взял и лопнул стояк. Тут уж какая оргия, какие афинские ночи.

— И чего ты, полкан, суетишься? — недоумевал Степан Деряба. — Я вот под Джелалабадом трое суток в подземном арыке, кяриз называется, в засаде просидел, и то ничего.

— Я не могу в антисанитарных условиях, — сухо сказал полковник Шмурло, натыкал номер на кнопочном телефоне и потребовал немедленно

прислать лучших специалистов на ликвидацию прорыва.

— Мальчики, мальчики, сделайте что-нибудь! — надрывалась Анжела Титовна. По мужу небось так не убивалась.

— А ты молчи! — велел Деряба и добавил с плохими словами: — Тоже мне, веселая вдова...

Лучшими специалистами по стоякам, радиаторам и вентилям в Краснодарском крае считались слесаря-сантехники Сережа Рыло и Саня Гидролизный. На обоих у Шмурло собралось полно материала, так как слесаря были не простые, с высшим образованием и делом этим занимались исключительно в знак своей социальной неостребованности при тоталитарном режиме. Пролетариям было совершенно ни к чему знать подробности личной жизни начальства, поэтому Анжеле Титовне приказали сидеть и не вылазить, когда они заявятся.

Действительно, и часу не прошло, как на лестничной площадке зазвенели ангельские гласы: то ли Иоганн Себастьян Бах, то ли Карл Хайнц Штокхаузен, кантата «Пение отроков» для пяти магнитофонов. Видно, Рыло и Гидролизного выдернули среди ночи из какого-то веселого застолья. Шмурло метнулся в коридор и установил в ванной подслушивающее устройство (а то эти черти покусятся, по своему обыкновению, на

востромырдинский одеколон «Тед Лapidус», который полковнику и самому пригодится) и только после этого отворил дверь.

Безмерно хмельные водопроводчики были в строгих темно-серых бельгийских костюмах, в белых сорочках и при галстуках. Просторные адидасовские сумки были битком набиты.

Шмурло в своей скромной южнокорейской трикушке вдруг почувствовал себя бедным родственником и для вящего самоутверждения ткнул Гидролизному под нос служебное удостоверение.

— Аз же сотворю вы ловцы человек, — прочитал Гидролизный и неопределенно хмыкнул. Полковник испуганно заглянул в документ: неужто и вправду там такое написано?

— Каковы масштабы аварии? — мягко поинтересовался Рыло.

— Хреначит, как из «града», — пояснил обстановку капитан Деряба. — Давайте, воины, в темпе.

Шмурло тем временем быстро изготовил пару подписок о неразглашении и предложил их слесарям. Сережа и Саня расписались, но с большим трудом. Деряба шмонал сумки и удивленно присвистывал, разглядывая незнакомые роскошные никелированные инструменты.

Расписавшись и передохнув («Давай-давай, на

том свете отдохнем!» — торопил Деряба), слесаря сняли свои прекрасные костюмы, рубашки и галстуки, аккуратно повесив все это хозяйство на складные плечики, убрали костюмы в стенной шкаф и только после этого облачились в ярко-оранжевые нейлоновые комбинезоны и высокие ботинки. Мало того, пьяные негодяи напялили на свои затуманенные головы защитные каски с фонариками и проверили, как работают прикрепленные на рукавах «уоки-токи».

Полковник потряс тоже не больно-то свежей головой.

— Вы чего, на пик Коммунизма собрались?

— Не станете же вы отрицать, что здесь тоже своего рода пик Коммунизма? — спросил Рыло, застегивая последнюю кнопку.

Шмурло обвел взглядом обстановку и в душе согласился.

— Только чтобы это свое... в комнаты не совали! — предупредил он Сережу, поглядел на него и подумал: «Рыло и есть».

Гидролизный демонстративно потянул носом и определил:

— Финский черничный ликер и горилка с перцем.

Посоветовав не забываться, полковник с капитаном вернулись в залу и стали подкрепляться именно этими жидкостями, предоставив слесарей

их судьбе. Но ненадолго — передатчик у полковника вскорости заработал, отреагировав на одно из ключевых слов:

— А я настаиваю, уважаемый Александр Ипполитович, что менять следует всю систему!

— Полноте, друг мой, вполне можно ограничиться только вот этим коленом. Воистину, Сергей Теодорович, вы максималист буквально во всем!

Несколько минут слесаря молчали и только лязгали своими диковинными приспособлениями. Потом Рыло поинтересовался у Гидролизного какими-то пролегоменами и долго язвил, придравшись к пустячной оговорке в ответе Александра Ипполитовича. Гидролизный же в долгу не остался и покрыл напарника крепенькой цитаткой из Витгенштейна. Шмурло эта цитатка тоже повергла в глубокое замешательство, так что пришлось выпить еще горилки. Потом разговор слесарей сделался совсем скучным и непонятным, и охранители устоев чуть не закемарили на диванчике.

— Хм, удивительный оптический эффект, Сергей Теодорович! Нет, вы вот отсюда поглядите.

— И в самом деле... Жуткое зрелище — руку словно отсекли... А если вот так попробовать?

— Э, нет, ошибаетесь, так ничего не выйдет. Именно тут, и ни на сантиметр в сторону... О, и

плечи проходят! Толкуй теперь о четвертом измерении... Не знаю, как вы, Сергей Теодорович, а я полон решимости идти до конца, каким бы этот конец ни был. Что мы, в сущности, теряем? Мудрый не ищет приключений, но и не отказывается от них...

— Помилуйте, Александр Ипполитович, нельзя же вот так сразу. Я уже не говорю о том, что мы связаны, если хотите, определенными обязательствами...

— Я, право, не узнаю вас, Сергей Теодорович. Только что вы утверждали, что следует сменить систему. Так чего ж вам боле? К тому же воду мы перекрыли, авария практически устранена... Не будем же мы сами шпаклевать и красить, посягая тем самым на несвойственные нам прерогативы?

— Вы совершенно правы, любезный Александр Ипполитович, и я — не без некоторого, сознаюсь, колебания — охотно последую за вами... Но каков феномен! Вы думаете, это сделано сознательно?

— Ну не крысы же начертали эти знаки... Кстати, чертовски похоже на древнеирландское огамическое письмо... Ох, мнится мне, что последний литр был явно лишним, а как вы полагаете, друг мой?

— Где-то да, но оставлять его на потребу Копченому с Манюней было бы, согласитесь,

прямым расточительством.

— Да, пожалуй, мы уже вышли из возраста таких гусарских жестов. И ради бога, не употребляйте этого ужасного актерского «где-то». Где-то, как-то... Вы бы еще сказали «по большому счету». Кстати, не почтить вниманием этот причудливый флакон было бы не меньшим расточительством...

При этих словах полковник с криком: «До дикалона добрались, волки!» — сорвался с дивана и побежал в ванную.

Одеколona точно не было. Зато не было и никаких слесарей. Профессиональные причиндалы их также исчезли, только сиротливо валялся в углу гаечный ключ — семнадцать на четырнадцать. Отковыренные плитки французского кафеля были сложены аккуратным столбиком, все трубы бесстыдно обнажены, мраморная ванна кощунственно осквернена промасленной ветошью.

Полковник вылетел из квартиры, помчался вниз и долго терзал за грудки дежурного милиционера, но тот клялся кавказским здоровьем мамы, что пройти-то слесаря прошли по предварительному звонку, да и кто Рыло с Гидролизным не знает, э? А вот назад они не возвращались, и ни о каком сне на посту не может идти речь, потому что минут пять назад он докладывал на центральный пульт...

Взбешенный Шмурло вернулся в квартиру, поднял Дерябу и Анжелу Титовну, которые только-только прикорнули, и обвинил мнимую вдову в сговоре и пособничестве. Анжела Титовна плакала хмельными слезами и уверяла, что у нее уже два года никого нет, кроме самих полковника и капитана.

— Да чего ты, полкан, суетишься? — снова удивился Степан Деряба. — У меня в Лобиту из-под носа сам Жозе Матанга ушел, и то ничего...

— Ничего, ничего... Ты так в капитанах и помрешь, а у меня представление скоро! Ты знаешь, сколько на этих оглоедах статей висит? Гидролизный к тому же подписант...

— Кто?

— Да ты, ать-два, не поймешь все равно. Обожди, они, может, где в квартире затаились...

Квартира была большая, в ней бы и рота диверсантов запросто могла бы замаскироваться. Шмурло и Деряба бесшумно, на цыпочках, с пистолетами в руках произвели тщательный осмотр квартиры, причем Деряба в каждую комнату врвался с криком и прыжком, покалечил немало мебели и безделушек. Когда Деряба брал одну из кладовок, оттуда полетело облако моли, доведшее Анжелу Титовну до натуральной истерики. Наконец в рабочем кабинете Виктора Панкратовича на Дерябу кто-то кинулся, но это оказался всего

лишь полковник Шмурло, и отделался полковник, на свое счастье, единственно добрым синяком во всю физиономию.

Делать нечего, военные люди вернулись в исходный пункт, то есть в ванную. Ванная тоже была немалая, в ней можно было устраивать разные интересные развлечения.

— Не под ванной же они сидят, — резонно заметил Альберт Шмурло, смазывая черты своего лица противосинячной мазью «Гепарин».

— Это ты, полкан, верно угадал, — сказал Степан Деряба и стал делать шаги то назад, то вперед, то в сторону, словно фотограф в поисках нужного ракурса. — Верно ты, полкан, сказал... Не под ванной... На кой дьявол им под ванной сидеть, когда вот она — широкая дорога!

...Степан Деряба верил в чудеса с детства, прошедшего в деревне Большая Молябуха Верхнеландеховского района. Видывал он и домового, лакавшего молочко из черепка, и даже хотел его погладить, на что домовый строго заметил: «Не балуй, оголец!» Видывал и то, как бабка Семеновна оборачивается черной свиньей (не надо, бывает, бывает еще на местах!). А однажды углядел и вовсе непонятное дело. Степан-восьмиклассник сидел на пригорке у дороги с воображувистой председательской дочкой и пытался лазить куда не надо, а у колодца возьми и

остановись легковой автомобиль «Москвич-401», в девичестве «Опель Кадет». Из «Опеля» из «Кадета» вылез представительный мужчина, лысый и в теле. Мужчина прикрепил к колодезному тросу собственное резиновое ведро, набрал воды, а потом отвинтил пробку бензобака и зафуговал все ведро туда. Да второе, да третье! После чего сел и поехал себе, и в двигателе ничего не стреляло, даже дым из выхлопной трубы не шел. Юный Степан бросил свои притязания и задумался так крепко, что подруга обиделась и ушла.

Боевая биография Дерябы тоже изобиловала чудесами, поскольку до сих пор его руки, ноги и голова были на месте вопреки совершенно очевидным обстоятельствам. Так мудро ли, что именно его наметанный острый глаз сумел обнаружить то, что прежде открылось лишь умудренным философией взорам исчезнувших слесарей?

Поняв, в чем дело, полковник государственной безопасности Шмурло аж задохнулся от гнева: какая все-таки природа падла! Она ведь награждает своими ценными подарками кого попало! Не смотрит на чины и воинские звания, игнорирует и надзорные функции!

Правда, удивительные слесаря отправились в путь, экипированные надлежащим образом, а полковник Шмурло и капитан Деряба — как были,

в тапочках Виктора Панкратовича. На Шмурло хоть тренировочный костюм, а Степан вообще в исподнем солдатском белье и при пистолете.

— Бежим назад! — завопил полковник Шмурло, да и кто бы на его месте не завопил: оба очутились как бы на балконе без перил, вернее, на бетонной плите, выходящей из скалы или чего-то подобного, и находился этот балкон на страшной, едва ли не космической высоте, и открывалась оттуда картина, какую не со всякого самолета увидишь, — чуть ли не целая страна с лесами, реками, квадратами полей, дорогами, городами, морями, степями! Не хватало только красных да синих стрелок, обозначающих действия наших либо вражеских войск.

Шмурло обернулся назад и увидел, что никакого прохода нет — сплошной серый гранит. Он схватил Дерябу за руку. Деряба что-то кричал, но из-за свиста ветра слышно было плохо. Наконец Шмурло разобрал:

— Вернуться, полкан, всегда успеем! А вот слесарей надо задержать: я, когда командиром заставы был, двоих урок на территории Ирана два километра преследовал, пристрелил и обратно приволок, и то ничего!

Говоря это, Деряба бесстрашно склонялся с площадки и высматривал хищным глазом что-то внизу. Раздались треск и глухой удар — это

оторвалась от ремня кобура с пистолетом, пригравшаяся под мышкой у капитана. Удар был такой сильный, что отколол кусок бетонной плиты. Обломок за компанию с табельным оружием полетел вниз, причем кобура давала бетону сто очков вперед. И там же, внизу, полковник Шмурло рассмотрел две крохотные оранжевые пушинки.

— «Макар» чуть плечо не сломал! Там, что ли, магнит внизу? — кричал Деряба. — Но слесаря могут, а мы что, лысые? А ну, делай как я!

И с этими словами прыгнул в бездну.

Нехорошо стало полковнику, но оставаться одному на такой высоте было еще хуже, поэтому он крепко зажмурился и с криком «Ура!» шагнул вперед.

Но только в полете сообразил, что кричит вовсе не «Ура!», а какое-то другое, совсем незнакомое слово.

Глава 5

«Хорошо погуляли! — пришло в голову Виктору Панкратовичу в самый момент пробуждения. — Только вот где же и с кем? То ли в охотничьем домике в Заозерске? Или у Долгоногова? И кто же это со мной рядом лежит — неужели баба? Того и гляди, тесть-покойник узнает, вот неприятностей будет...»